

СИМВОЛЫ ВЛАСТИ

С.Б. Чернецов

ПЕЧАТИ В ЭФИОПИИ КАК СИМВОЛЫ ВЛАСТИ

Само употребление печатей возникло в Эфиопии, вероятно, под влиянием сношений эфиопских царей с Египтом, т.е. прежде всего с мамлюкскими султанами и коптскими патриархами, скреплявшими свои грамоты печатями. Желание быть на равных со своими корреспондентами и переписываться с ними на таком же высоком уровне побудило эфиопских царей тоже обзавестись для внешних сношений собственными печатями. Они имели надписи на арабском языке — этом международном языке Ближнего и Среднего Востока. Все эти печати следовали в общем ближневосточным образцам. Об употреблении царских печатей внутри самой Эфиопии известно очень немного. С конца XVII в. в эфиопских царских хрониках встречаются упоминания о том, как царь «посылал свою печать» наместнику. Образцом для этих царских печатей послужила, видимо, форма патриарших коптских печатей: круглая двуязычная печать с легендой на арабском и коптском языках, из которых первый был разговорным, а второй — литургическим языком египетских христиан. Соответственно и эфиопская царская печать была круглой и двуязычной: с надписью на арабском и эфиопском литургическом языке — геэзе — и с изображением льва в центре. Лев должен был символизировать девиз библейского царя Давида: «Лев из племени Иуды победил», ставший девизом эфиопской царствующей династии «соломонидов», возводившей свое происхождение к Менелику I — сыну царицы Савской и царя Соломона, сына Давида. Эти печати, однако, ставились не в конце письма, заменяя подпись, а в начале его, сразу указывая, откуда исходит

Чернецов Севир Борисович (1943 г.р.) — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Музея антропологии и этнографии РАН (Кунсткамера).

Адрес: 199164, С.-Петербург, Университетская наб., 3, МАЭ РАН.

Тел.: (812) 328-41-52 (служ.), (812) 172-65-47 (дом.).

послание. Зачастую при сношениях внутри страны посланцу вручался только оттиск печати без всякого текста. Здесь печать была свидетельством того, что посланец следует от царя и с ним нужно обращаться столь же почтительно, как с самим царем, вставая, восклицая «Слову царскому подобает поклонение» и кланяясь в ноги. Само же повеление царя передавалось посланным устно. Обычай этот имел свой смысл, потому что далеко не все царские наместники умели читать, и не всегда (особенно в походных условиях) у них под рукой были грамотные священники. Кроме того, вид царской печати должен был не только внушать адресату доверие и уважение, но и обеспечивать посланцу достаточный прокорм (за счет местного населения, разумеется) в пути. Так что эти печати на чистом листе служили своеобразными удостоверениями того, что предьявитель путешествует по стране с ведома и по поручению царя, дающими ему право на всяческое содействие местных властей и бесплатное довольствие в дороге. Таково было известное нам употребление царских печатей внутри страны.

Имелись ли в Эфиопии в это время другие печати, кроме царских и митрополичьих? Пока трудно с определенностью ответить на этот вопрос. Но можно утверждать уверенно, что с конца XVIII в., когда авторитет царской династии падал, а могущество и самостоятельность местных феодальных властителей росли, последние тоже стали обзаводиться собственными печатями как символом и показателем своей независимой власти. Это время региональной самостоятельности и феодальных усобиц получило в эфиопской историографии характерное название «времени князей», когда по выражению летописца «Настало время князей, которые однако не уничтожили имени царства царей, и не осмеливались князья восседать на престоле Давида и возлагать на себя венец царства; они делали царями над собой царей слабых, которые были у них в повиновении...» [1, с. 25–27]. Так к XIX в. в Эфиопии сложились большие практически независимые области с собственными властителями (часто наследственными), которые имели и свои печати, большая часть которых опубликована Ричардом Панкхерстом [2, р. 179–208].

Печати эти, будучи очевидным продолжением прежней царской сфрагистической традиции, имели тем не менее свои особенности. Областные правители, несмотря на свою фактическую независимость, все же не решались величать себя царями. Так, квадратная печать Вальда Селласе, правителя приморской области Тигрэ, на его послании 1810 г. английскому королю Георгу III имеет арабскую надпись: «Уповающий на царя святого рас* Вальда Селласе сын Кефла Иясуса 1217 (год)». Неизвестно, чтобы у Вальда Селласе были другие печати. Это обстоятельство, а также наличие даты наводит на мысль, что печать была вырезана специально для послания в Англию, потому что по эфиопским представлениям того

*Рас — (букв. «глава») — высший титул в эфиопской феодальной иерархии и при царском дворе. С падением царской власти в XIX в. последнее значения уже не имело. Собственно, тогда титул раса получал тот областной правитель, который в данный момент навязывал свою волю номинальному царю. Именно таким правителем и был тогда рас Вальде Селласе.

времени в международных сношениях нужно было использовать арабский язык, а к посланиям прикладывать печать. Печать была символом независимости правителей, что заставляло их обзаводиться печатями и для сношений между собой, и здесь эфиопский язык был более уместен, нежели международный арабский. Так, печать другого правителя той же области Тигрэ — Сабагадиса — имеет надпись уже не на арабском, а на геэзе. Заветной мечтой правителей было достижение царской власти, память о которой не исчезла в Эфиопии. Это находило отражение и в использовании в их печатях льва как символа этой власти. Так, в печатях деджазмача* Вубе (1839–1855), наследственного правителя области Самен, распространившего свою власть на всю приморскую провинцию Тигрэ, появляется изображение «льва из племени Иудова».

Известны три печати деджазмача Вубе, причем на каждой из них имеется изображение льва с лотарингским крестом на спине. Первая интересна тем, что надпись на печати «деджазмач Вубе сын деджазмача Хайлю» сделана не на мертвом литературном языке геэз, а на живом разговорном амхарском языке. Очевидно, что эта печать не была изготовлена, подобно многим арабоязычным печатям, специально для нужд международных сношений, а предназначалась главным образом для внутренней эфиопской переписки, причем здесь имелись в виду прежде всего светские корреспонденты не слишком высокого ранга, которые могли и не иметь в своей свите грамотных церковников. Собственно, и сами эфиопские феодалы были людьми грамотными, но грамотными в средневековом смысле, т.е. они, как правило, умели читать, но редко умели писать. Что же до литературного и литургического геэза, то толком языка этого они не понимали. Надпись же на амхарском языке они могли и прочесть, и понять без посторонней помощи. Характерно также и то, что Вубе в своей надписи, подобно Вальда Селласе, упоминает и своего отца, причем не только его имя, но и должность, подчеркивая тем самым наследственность своей власти, потому что к середине XIX в. местные областные династии стали явлением обычным и распространенным, и наследственные правители эти вели вполне самостоятельную и внутреннюю, и внешнюю политику и сами входили в сношения с иностранными державами. Поэтому две другие печати Вубе (использованные в переписке с королем Франции Луи-Филиппом и королевой Викторией) несут по-прежнему изображение льва с лотарингским крестом и надписи «деджазмач Вубе» по-арабски и по-эфиопски. В надписи указаны лишь титул и имя, которые одинаково пишутся и по-амхарски и на геэзе, поэтому нельзя сказать с уверенностью, какой именно из этих двух языков использован здесь.

*Деджазмач — воинский титул воеводы, командующего передовым полком в битве. С XVII в., когда Эфиопия подверглась массовому нашествию кочевых племен галла (оромо), в обязанности царского наместника области стала входить и военная защита вверенного ему наместничества до прибытия на подмогу основной царской армии. Поэтому наместнику стали присваивать воинский титул деджазмача. В XIX в. деджазмач стал обычным титулом областных правителей, которые присваивали его себе уже сами, мало заботясь при этом о царском утверждении этого титула.

Разумеется, можно рассматривать изображение льва, этого имперского символа, на печатях независимых правителей, вроде Вубе, в качестве косвенного показателя их высоких притязаний, но в случае с Вубе, действительно, очень косвенного, потому что титул его указан на печати вполне точно — деджазмач. Иную картину являют печати другого феодального властителя того времени — раса Али Алулы, могущественного правителя провинции Бегамедр (1831–1853), по своему произволу смещавшего и возводившего на гондарский престол номинальных эфиопских царей. Они очень похожи, если только не идентичны (нечеткость отпечатков не позволяет определить это с уверенностью), и несут арабскую надпись: «рас Али аль-Хабаша», т.е. «рас Али Абиссинский». Однако на листе договора над этой печатью с арабской надписью имеется рукописная приписка на геэзе: «Али, царь Абиссинский». Что это — описка («царь» вместо «раб царя», потому что под третьей печатью со львом, опубликованной Р. Панкхерстом [2, р. 203], читается часть строки текста: «Али, раб царя...») или прямо высказанная расом Али претензия на ту власть, которой он обладал в действительности? На этот вопрос трудно ответить с определенностью.

В это время существовали и другие печати с изображением имперского льва с крестом и без надписи, в частности, печать гондарского царя Сахле Денгеля (1832–1840, 1841–1856). Как заметил Р. Панкхерст, «вполне показательно, принимая во внимание преходящий и обычно вполне номинальный характер императорской власти в Гондаре, что эта печать надписи не имеет и потому может быть использована чередою государей» [2, р. 186]. Положение оказывалось, таким образом, довольно парадоксальным: в то время, когда областные правители в своих печатях подчеркивали наследственный характер своей власти и рядом со своим именем упоминали имена своих отцов, в печатях потерявших всякое государственное значение эфиопских царей не то что имя отца, но и имя самого монарха отсутствовало. Разумеется, такое положение не могло сохраняться бесконечно в стране с многовековой традицией сильной царской власти, потребность в которой остро ощущалась в обществе, страдавшем от бесконечных усобиц. Эти общие настроения выразились и в тенденции использовать изображение имперского льва с крестом на печатях областных правителей.

Сравнивая печати «времен князей» с печатями предыдущего времени расцвета Гондарского царства, нельзя не отметить одного обстоятельства: печатей стало больше, но сфера их применения в сущности не расширилась, а оставалась прежней. Количественный же их рост произошел просто потому, что увеличилось число практически независимых правителей, которые вели свою переписку даже с иностранными державами и нуждались в печатях главным образом как в символе своей самостоятельности. За пределы узкого круга собственно правителей применение светских печатей не распространялось. И это естественно: если положение самих этих правителей было весьма неустойчивым, то еще более преходящим и непостоянным было положение их придворных и вассалов, верностью также не отличавшихся и с легкостью менявших своих

сюзеренов. Получалось так, что эти областные правители, поглощенные взаимными усобицами, с готовностью вступая в союзы против усилившегося соперника и с той же легкостью нарушая заключенные договоры, собственного административного аппарата, в сущности, не имели. У них был весьма небольшой и непостоянный круг придворных и вассалов, которые в этот момент считали для себя более выгодным служить этому господину. В быстро менявшейся обстановке официальные послания с печатью были неудобны. Устный приказ через гонца приходил скорее, а что до выполнения его, то это зависело не от печати, а от благоусмотрения вассала. Характерно, что печати «времени князей», опубликованные Р. Панкхерстом, взяты им из архивов министерств иностранных дел Франции и Великобритании, т.е. из иностранной переписки эфиопских правителей. Впрочем, внутренняя эфиопская переписка имела очень мало шансов уцелеть в бурных событиях того времени.

Усобицы разоряли страну, и в народе усиливались апокалиптические настроения, ожидание конца света. Именно в это время новую широкую популярность приобрел старый богословский трактат «Сказание Иисуса», представляющий собой апокриф о последних временах мира. Его пророчество о том, что «будет смута в каждой стране; станут воевать друг с другом цари с царями и князья с князьями» [3, с. 32], казалось уже не прорицанием, а современной действительностью. Теперь оставалось лишь ждать исполнения следующего пророчества: «После этого Я приведу царя из Востока, имя которого будет Феодор, который соберет тех, которых Я пощадил и которые творили Мою волю... В это время не будет ни смуты, ни ненависти, ни копья, ни стрелы» [3, с. 37]. Молению эфиопского летописца, взывавшего к Богу со словами: «Поддай нам ныне того, кто возвратит царство» [4, р. 795], суждено было исполниться в 1855 г., когда эфиопский престол захватил могущественный эфиопский военачальник Каса, выдвинувшийся из простых солдат — случай нередкий во время беспрестанных битв и усобиц. Он короновался на царство, не без умысла избрав себе в качестве царского имени* имя Теодрос (Феодор), и железной рукой начал подавлять своевольных феодальных правителей и насаждать собственную самодержавную власть. Разумеется, на его круглой царской печати был изображен имперский лев, вокруг которого шли две надписи: одна на геэзе — «Царь царей Эфиопии Теодрос», а за нею по-арабски: «Поддерживаемый [Богом] в победе Теодрос, царь Абиссинии». Печать царя Теодроса отличается от печатей «времени князей», во-первых, большим своим размером. Во-вторых, весьма интересной также оказывается арабская надпись. Она вовсе не является переводом надписи эфиопской, а несет собственную идею, похоже, имеющую антимусульманскую направленность.

* При восшествии на престол эфиопские цари обычно нарекались новым, так называемым «царским» именем, которое, как правило, отличалось от имени, данного им при крещении. Часто это царское имя выбиралось с определенным значением.

Илл. 1: Оттиск печати Теодроса, увеличенный в 1,5 раза

После гибели Теодроса в 1868 г. феодальные усобицы в стране возобновились, но его пример оказался весьма соблазнительным для областных правителей, которые мечтали занять вакантный престол. Все претенденты громко заявили о своих притязаниях: Гобэзе Гебре Медхин, правитель областей Амхара, Ваг и Ласта, разгромив своего соседа и соперника Тэссу Гобэзе из Валькайта, в августе 1868 г. короновался императором с царским именем Текле Гиоргис (1868–1870) и тут же обзавелся императорской печатью со львом и надписью: «Текле Гиоргис царь царей Эфиопии». Не пожелал отставать от него и наследственный правитель провинции Шоа Сахле Марьям, который также провозгласил себя «царем царей Эфиопии», взяв себе в качестве царского имени имя сына царя Соломона и царицы Савской — Менелик, под которым он и вошел в историю. Впрочем, это была не первая его заявка на императорский престол. Еще в царствование Теодроса он велел вырезать свою первую печать, очень похожую на печать Теодроса. Впрочем, была и разница: Менеликов лев, в отличие от льва Теодроса, не имел короны, а надпись — «Царь царей Менелик Эфиопский» — была выполнена только на геэзе, без арабского перевода. Другими словами, эта печать была сделана для местного шоанского употребления чтобы ободрить земляков, уже переживших однажды нашествие Теодроса, и упрочить свою власть в нешироких пределах родной области. С гибелью же Теодроса положение переменилось, и Менелик обзавелся новой печатью, во всех отношениях сходной с прежней, за тем исключением, что на этой новой печати лев был изображен уже с короною на голове. Однако в борьбу вмешался третий — деджамач Каса Мерча, правитель приморской провинции Тигрэ, происходивший по материнской линии от знаменитого Сабагадиса. На его печати того времени был изображен лев с короною, а надпись гласила: — «Деджамач Каса, глава князей Эфиопии». Именно он и победил, разгромив новоявленного «царя царей Текле Гиоргиса» (Гобэзе Гебре Медхина), который был им ослеплен и погиб в заточении. Победитель велел вырезать себе новую печать, уже императорскую, с коронованным львом, очень похожим на льва его прежней печати, и с надписью «Царь царей Йоханнес Эфиопский» на геэзе и на арабском. После торжествен-

ного помазания на царство он сменил свою первую императорскую печать на вторую, тоже с коронованным львом, но с гораздо более многозначительной надписью на геэзе — «Царь царей Йоханнес, царь Сиона Эфиопского», и прежней арабской надписью, где упоминание о Сионе отсутствует.

Этот «Сион» заслуживает отдельного рассмотрения. Согласно династическому мифу о происхождении эфиопской царской династии от царя Соломона и царицы Савской, изложенному в эфиопском трактате «Слава царей», их сын — первый эфиопский царь Менелик I — уже в юношеском возрасте навестил своего отца в Иерусалиме. Соломон признал его своим сыном первородным и, провозвоя Менелика I домой на родину, отправил с ним всех детей первородных народа израильского, в том числе и сына израильского первосвященника. Тому, однако, было невмочь расстаться с Ковчегом Завета, хранившемся в иерусалимском храме, построенном Соломоном, и поэтому он выкрал Ковчег и увез его с собой в Эфиопию. По этому поводу царю Соломону снится пророческий сон о том, что солнце взошло в Иудее и, посветив немного, ушло в Эфиопию, где будет сиять вечно. Далее в трактате повествуется о происхождении от библейского Сима всех царей земных, из которых лишь эфиопским царям принадлежит как право первородства, так и исповедание «веры православной» — преимуществ, которых другие цари лишены, потому что христианские цари «Рима» (т.е. Византии) «исказили веру» и приняли постановления Халкидонского собора, а что до евреев, то они утратили свою богоизбранность, распяв Иисуса Христа. Богоизбранной осталась лишь Эфиопия — «Новый Израиль», и в эпилоге «Славы царей» провозглашается грядущий триумф Эфиопии, обладающей как величайшей святыней — Ковчегом Завета, так и «верой православной, которая пребудет до второго пришествия». С тех пор, как эфиопский царь Амда Сион (1314–1344) применил это пророчество «Славы царей» к собственной династии [подр. см.: 5, с. 26–31], этот трактат воспринимался в Эфиопии как святая правда, и под «Сионом» подразумевалось многое: это и сам Ковчег Завета, хранящийся по преданию в аксумском кафедральном соборе Богоматери Сионской, и вся христианская Эфиопия, населенная богоизбранным народом, и престол эфиопских царей, которые превосходят славою всех земных царей и которым уготована власть над миром. Уже в прижизненном «Сказании о походе царя Амда Сиона» царь именуется «царем Сиона», а его престол — Сионом. Так что новый царь Йоханнес IV, действительно помазанный на царство в соборе Богоматери Сионской, где хранится Ковчег, имел в виду многое, называя себя «царем Сиона Эфиопского». Характерно, что он не стал переводить этот свой весьма важный эпитет на арабский язык. Арабский в Эфиопии был языком международным, предназначенным для внешних сношений, а иноземцам, незнакомым со «Славою царей», он не сказал бы ничего. Другое дело Эфиопия, для которой значение «Славы царей», патриотического произведения общенационального масштаба, трудно переоценить. Таким образом, Йоханнес IV в надписи на своей государственной печати заявил себя объединителем всей христианской Эфиопии и ее государем.

Победы Йоханнеса над войсками египетского хедива Исмаила, вторгнувшимися в Эфиопию, укрепили его репутацию надежного защитника веры, страны и народа христианского, т.е. настоящего царя. А это дорого стоило, и этот успех Йоханнес поспешил закрепить наглядно и официально. Он приказал изготовить новую большую печать диаметром в 5,5 см. Теперь коронованный лев уже держал в левой передней лапе крест, а надписи на геэзе и по-арабски шли в два ряда, потому что иначе для них не хватило бы места. Их содержание было одинаковым на обоих языках: «Царь царей Йоханнес, царь Сиона Эфиопского. Крест победил племя Измайлово», причем под «племенем Измайловым» можно было понимать как измайльтян, т.е. мусульман вообще, так и конкретных воинов хедива Исмаила, разгромленных дважды.

Теперь Йоханнес мог обратиться к внутренним эфиопским проблемам и отправиться во главе своей армии в Шоа к самозваному «царю царей» Менелику II. Менелик в своей богатой области Шоа был опасным соперником, давно и последовательно домогавшимся верховной царской власти. Об этом говорили как его поступки, так и его печати. О первых двух печатях Менелика уже говорилось выше, а в 1872 г. появилась и третья печать Менелика, известная по его письмам королеве Виктории (1872 г.) и королю Италии Умберто (1878 г.). Это изящная печать явно европейской работы с некоторыми примечательными особенностями. Геэзская надпись сверху и снизу. Надпись наверху гласит: «Мынйилик царь царей», а надпись внизу — «Победил лев из племени Иудова». Здесь впервые появляется на печати этот династический девиз и имя Менелика в дается в архаическом написании: так писали имя первородного сына царя Соломона от царицы Савской. Таким образом, если Йоханнес утверждал свой царский авторитет торжественным помазанием в священном аксумском соборе, то Менелик в Шоа пытался сделать то же самое, провозглашая свое первородство. В сущности, оба старались эксплуатировать идеи знаменитой «Славы царей», каждый по-своему, в зависимости от своих обстоятельств. Йоханнес, пользуясь тем, что собор Богоматери Сионской (а, следовательно, и Сион — Ковчег Завета) находился в пределах его царского домена, эксплуатировал идею личного обладания этой величайшей святыней, а Менелик, обыгрывая свое царское имя, писал его архаическим образом, как писалось имя его тезки — Менелика I, «льва из племени Иудова», т.е. пытался эксплуатировать идею первородства — второго условия законности царской власти, согласно «Славе царей». Однако победил Йоханнес, и в 1878 г. Менелику пришлось делать новую печать с коронованным львом, держащим крест с развевающимся вымпелом, и прежним девизом «Победил лев из племени Иудова», но собственный титул ему пришлось переменить на «Менелик, царь Шоа». Новым в эфиопской культуре сфрагистики здесь явилось то, что Менелик заказал два варианта этой печати: на одной изображение и надписи были вырезанными, как на всех эфиопских печатях прежних времен, а на другой — выпуклыми, что было новинкой, введенной явно в подражание европейским печатям. Все эти печати были опубликованы Ричардом Панкхерстом [2, р. 204–206].

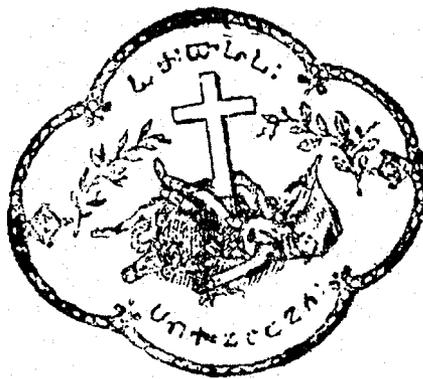
Однако настоящим царем Эфиопии Менелик смог стать лишь после гибели Йоханнеса в 1889 г. и официального помазания на царство. Менелик не напрасно выбрал себе в качестве царского имени имя сына царя Соломона и царицы Савской — Менелика Первого — первого царя в эфиопской истории, по эфиопскому преданию. Именно эту мысль он решил выразить в своей новой печати, вырезанной сразу же после коронации в Энтото. Это была большая выпуклая печать, на которой изображен такой же императорский лев, как и на предыдущей его большой императорской печати, но надпись здесь несколько иная: «Победил лев из племени Иудова. Менелик Второй, поставленный Богом царь царей Эфиопии». Здесь впервые в эфиопской традиции употребляется числительное «второй» при имени последующего одноименного царя. Прежде этого не было, так, например, царя Иясу (1730–1755), внука другого царя Иясу (1682–1706), эфиопы называли не Иясу Вторым, а Иясу Малым, в отличие от его деда — Иясу Великого.

Менелик, действительно, был не обычным эфиопским монархом и многое делал заново, потому что к этому побуждала внешняя обстановка. Она заставляла его вести не обычную для эфиопских царей политику, она же задолго до обретения им императорского титула привела Менелика к необходимости воссоздать постоянную столицу городского типа вместо пришедшего в упадок Гондара. Но сделал это он на новом месте: в своей родной области Шоа и назвал новый город Аддис-Абебой — «Новым цветком». Необходимость именно в столичном городе, а не просто резиденции монарха диктовалась даже не столько нуждами управления, сколько нуждами рынка, и рынка прежде всего внешне-торгового. Однако постоянное пребывание монарха на одном месте требовало и иной системы управления государством, и в Аддис-Абебе стала развиваться новая административная система бюрократического типа с неизбежным делопроизводством и перепиской. Нужды управления, а также забота о своем престиже за границей побуждали Менелика и к таким решительным нововведениям, как учреждение кабинета министров. Это вело к появлению городской культуры и столичной бюрократии, что в свою очередь приучало царских чиновников (бывших тогда людьми совершенно средневековыми) к письменной форме общения, сначала только с европейцами, а потом и между собой. Здесь печать была нужна потому, что она заменяла собою подпись должностного лица. А так как многие учрежденные должности были новыми, прежде невиданными, вроде министра почты и телеграфа, то и печати появились новые и иногда весьма необычные, например, печать первого в истории Эфиопии министра почты и телеграфа, на которой изображен аппарат Морзе. Когда другой придворный того времени был назначен на должность *афа-негуса*, что означает «уста царя», т.е. на должность председателя Верховного суда, он обзавелся взамен прежней печати другой, соответствующей его новой должности, где были изображены не только весы правосудия, но и председательское кресло, и даже скамья подсудимых! Впрочем, место свое он знал, и его печать несет также монограмму его сюзерена — Менелика.

Илл. 2 и 3: Оттиски печати Афеворка, министра почты и телеграфа, и Тыляхуна, председателя Верховного суда, увеличенные в 1,5 раза

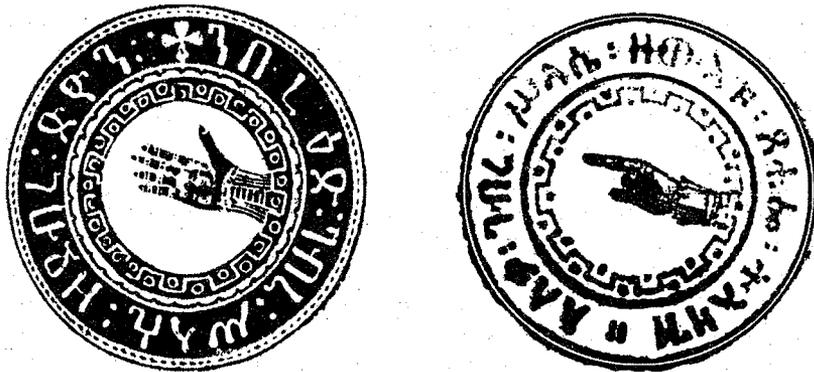
Подобная изобретательность и творческая свобода в достаточно консервативном эфиопском обществе, весьма нетерпимом к любому нарушению канона, объясняется, по-видимому, тем обстоятельством, что в этом случае канона не существовало, а, следовательно, не могло быть и нарушения его. Поэтому и свобода в этом новом деле выказывалась иногда на удивление ярко. Вот, например, печать военного министра Хабтэ Гиоргиса, отличившегося в битве с итальянцами при Адуа. На ней изображен павший итальянский кавалерист в сапогах (это отличительный признак, потому что эфиопы в те времена ходили босиком) и с усами, лежащий подле трупа своего коня со знаменем в руках. Над всей этой сценой, исполненной мрачной патетики, высится латинский крест.

Илл. 4: Оттиск печати Хабтэ Гиоргиса, увеличенный в 1,5 раза

Так печать, бывшая прежде знаком власти исключительной, т.е. власти царя, который должен быть в стране один по определению, превратилась в принадлежность лица должностного, а должностей было много, и они были разными. Естественным образом возникло желание показать смысл этой должности на печати, ее символизировавшей. Здесь нововве-

дения коснулись не только печатей новых должностных лиц, но и печатей старых традиционных чиновников, прежде по ненадобности их просто не имевших. Так, испокон веку существовала должность *цехафё-тээзаза*, «записывателя приказов», т.е. царского секретаря и хранителя печати. Он, действительно, писал царские приказы и декреты и прикладывал к ним царскую печать, однако собственной печати не имел. Ныне из-за многочисленности в стране иностранцев и резко выросшего объема бюрократической переписки этому *цехафе-тээзазу* пришлось взять на себя некоторую часть царской переписки и обзавестись собственной печатью. На его печати, приложенной к подорожной, выданной Николаю Степановичу Гумилеву, изображен перст указующий, что вполне соответствует функциям этого чиновника, передававшего царские приказания. То, что его печать должна была выражать именно должностные его функции, а отнюдь не личные амбиции, видно из другой печати того же Гебре Селласе. Он обзавелся ею, когда был назначен благочинным большого придворного собора Богоматери Сионской в новом только что основанном городе Аддис-Алеме. Однако город этот скоро был покинут императором, и тамошний собор лишился царских благодеяний. И тогда благочинный, весьма серьезно относившийся к своим обязанностям, заказал себе печать с изображением не перста указующего, а разверстой длани просящего.

Илл. 5 и 6: Оттиски двух печатей Гебре Селласе, увеличенные в 1,5 раза

Впрочем, такая изобретательность была вообще нехарактерна для печатей церковных иерархов, обычно придерживавшихся вполне консервативной формы, как это видно на примере печати *эччеге* Феофила, второго по митрополите лица в Эфиопской церкви, главы могущественной Дабра-Либаносской конгрегации. Подобно печати митрополита, ее легенда выполнена на арабском и эфиопском языках, а в центре изображен типичный эфиопский обручной крест.

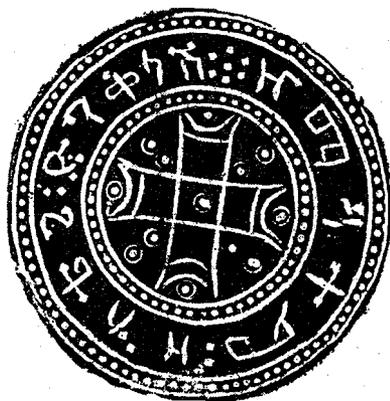

Илл. 7: Оттиск печати *эчеге* Феофила, увеличенный в 1,5 раза

Разросшийся на рубеже XIX–XX вв. царский двор в постоянной столице Аддис-Абебе с его тут же появившимся церемониалом и интригами поднял значение не только придворных мужей, но и придворных дам — явление, прежде невиданное в Эфиопии. Зарождался абсолютизм, который, надо сказать, открывал для женщин высших классов новые и значительно более широкие возможности, нежели старый феодальный порядок. Разумеется, эта их новая социальная значимость была ограничена узкими рамками придворного круга, однако там женщины (сама императрица и придворные дамы) уже могли прямо влиять на политическую жизнь — огромное достижение в деле женской эмансипации в Эфиопии того времени! Теперь при дворе выгоды иного брака оказывались поважнее выигранного сражения. Сражались мужчины, а устраивали браки зачастую женщины. В результате придворные дамы (по крайней мере некоторые) стали влиятельными персонами, и у них появились собственные печати.

Было, однако, некоторое различие между печатями мужскими и женскими: если изображения на мужских печатях так или иначе символизировали должность владельца, то на женских печатях они часто обыгрывали имя владелицы. Так, на многочисленных печатях императрицы Таиту, чье имя буквально означает «солнце», непременно изображалось дневное светило. На печати двоюродной сестры Менелика Цехайе Верк, носившей прозвище «Утренняя звезда», в центре помещена розетка с лучами, которая, видимо, и должна символизировать эту звезду. В общем, эфиопские дамы выбирали себе печати по собственному вкусу и характеру. Печать государыни Дэнкнеш имеет в центре изображение лапчатого креста. Она была аристократкой старого закала. Дэнкнеш была выдана замуж за областного правителя Гобэзе, который после гибели императора Теодроса провозгласил себя «царем царей Эфиопии», и стала, соответственно, «государыней». Однако ее родной брат Йоханнес разбил войска ее мужа, а его самого ослепил и заточил в темницу. Своей сестре он, естественно, предоста-

вил полную свободу, от которой она гордо отказалась и предпочла разделить заточение мужа. Его смерть (отнюдь не естественная) освободила ее от моральных обязательств, но титул «государыни» за ней сохранился, и в стране она пользовалась всеобщим уважением. Этот титул «государыни» она поместила и на своей печати. Сама ее печать была выполнена в достаточно консервативной и даже церковной манере, вполне соответствующей характеру владелицы.

Илл. 8: Оттиск печати государыни Дэнкнэш, увеличенный в 1,5 раза

Так в эфиопской сфрагистике началось разделение печатей не только на мужские и женские, но и на должностные и личные. Впоследствии это разделение углублялось. Во время правления императора Хайле Селасие I (особенно после II мировой войны) появилось много печатей уже не должностных лиц, а учреждений, как в Европе. В то же время личная печать, заменяющая подпись, выродилась до простого штампа, который ставился как на письма, так и на личные книги. Однако восприятие печати как знака, удостоверяющего не столько подлинность, сколько авторство послания или сообщения, осталось. Это любопытным образом проявилось в бурный революционный период 70-х гг., когда в стране циркулировало множество листовок самых разнообразных и по большей части подпольных организаций. Здесь очень часто принадлежность листовки определялась не девизом организации в правом верхнем углу, как это было в русской революционной культуре (например, «Пролетарии всех стран, объединяйтесь!» у большевиков или «В борьбе обретешь ты право свое» у эсеров), а воспроизведением печати этой организации внизу. По сути дела, это изображение уже перестало быть собственно печатью, а превратилось в эмблему организации, однако эмблему, сохраняющую форму именно печати.

Илл. 9: Оттиск печати Союза эфиопских студентов в Европе

Несмотря на возрастающую унификацию культуры во всем мире, особенно культуры высших классов, есть основания полагать, что развитие культуры печатей в Эфиопии не закончено, и мы сможем наблюдать дальнейший ход этого процесса.

Литература

1. Тураев Б.А. Заметки к краткой эфиопской хронике (обработанные Б.А. Тураевым заметки В.В. Болотова к работе Basset. «Études sur l'histoire d'Éthiopie») // Византийский временник. Т. XVII (1910). Вып. 1–4. СПб., 1911.
2. Pankhurst R. Letter Writing and the Use of Royal and Imperial Seals in Ethiopia prior to the Twentieth Century // Journal of Ethiopian Studies. Addis Ababa. January. 1973. Vol. XI. № 1.
3. Вайнберг И. «Сказание Иисуса». Апокриф о последних временах мира. СПб., 1907.
4. Conti Rossini C. La cronaca reale abissina dall'anno 1800 all'anno 1840 // Rendiconti della Reale Accademia dei Lincei. Roma. 1916. Ser. 5. Vol. XXV. Fase. 7–10.
5. Чернецов С.Б. Некоторые предположения относительно причин происхождения эфиопской версии «Славы царей» // Эфиопские исследования. История. Культура. М., 1981.